

Панаев Аркадий Александрович

**Князь Александр Сергеевич
Меншиков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
А82

А82 **Аркадий Александрович П.**
Князь Александр Сергеевич Меншиков / Панаев Аркадий Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 209 с.

ISBN 978-5-521-27167-2

ISBN 978-5-521-27167-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

поля? Когда севастопольцы сомнѣвались въ возможности видѣть у себя непріятеля, у меня не выходила изъ памяти кровь, которою, на моихъ глазахъ, былъ облитъ порогъ этого города.

Переправясь черезъ бухту на Екатерининскую пристань, я вошелъ во дворъ маленькаго, скромнаго дворца Екатерины II, въ которомъ тогда помѣщался князь Александръ Сергѣевичъ. Онъ меня очень ласково встрѣтилъ, принялъ депеши и сказалъ, что ожидалъ меня. Въ это время уже приводили въ порядокъ сѣверное укрѣпленіе; князь ѣздилъ туда ежедневно и, вслѣдствіе этого, послѣ обѣда 16-го января, по порученію его свѣтлости, я отправился въ Балаклаву, къ начальнику города, полковнику Манто, для совѣщанія съ нимъ о закупкѣ лошадей. Вечеру я былъ въ городѣ и засталъ Манто за чаемъ. Полковнику была очень лестна довѣренность князя и онъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы угодить его свѣтлости.

Матвѣй Аѳанасьевичъ Манто, градоначальникъ Балаклавы и командиръ тамошняго греческаго баталіона, родомъ грекъ, почтенныхъ лѣтъ, роста небольшого, но крѣпкаго тѣлосложенія, любилъ свой родимый уголокъ. Съ одушевленіемъ рассказывая мнѣ про Балаклаву, Манто просилъ доложить его свѣтлости, что, въ виду военныхъ событій, можно ожидать покушеній непріятеля на городъ и, потому, ему необходимо имѣть нѣсколько мортирокъ, которыя Манто располагалъ размѣстить у входа въ бухту. Говоря объ удобствахъ, какія можетъ представить Балаклавская бухта, Манто замѣтилъ, что наши моряки почему-то считаютъ входъ въ нее военныхъ судовъ почти невозможнымъ, ссылаясь на то, что и самый малый военный пароходъ долженъ осторожно въ нее втягиваться. Между тѣмъ Манто убѣдился, что мнѣніе моряковъ не совсѣмъ вѣрно: былъ случай, что разъ, въ бурю, купеческое судно довольно значительнаго размѣра вошло въ бухту даже ночью, никѣмъ не замѣченное, и Манто только утромъ увидалъ нежданнаго гостя вблизи своего балкона. Балконъ его дома висѣлъ надъ водой. Онъ вывелъ меня на него и, показывая бухту, утверждалъ, что въ водахъ ея и понынѣ видны мачты затонувшихъ судовъ, по мѣстнымъ преданіямъ, принадлежавшихъ генуэзцамъ.

— Это можетъ дать вамъ понятіе о значительной глубинѣ бухты, — замѣтилъ Манто при этомъ, — и ходъ въ нее, хотя и труденъ, но всетаки возможенъ, особенно если взять въ соображеніе, что шкиперъ упомянутаго судна, который ввелъ его въ бурю и ночью, зналъ этотъ входъ только потому, что шестнадцать лѣтъ тому назадъ, еще мальчикомъ, жилъ въ Балаклавѣ. Бывали и кромѣ того случаи появленія судовъ, окончательно утвердившіе меня въ моемъ мнѣніи.

На слѣдующее утро, мы, вмѣстѣ съ Манто, отправились осматривать бухту.

— Жаль, что у меня нога болитъ и я не могу проводить васъ на скалу, гдѣ у меня стоитъ постъ,—говорилъ дорогою мой любезный хозяинъ, — оттуда можно видѣть и входъ въ бухту, и Черное море во всей ихъ красѣ...

Между тѣмъ, самъ того не замѣчая, Манто карабкался, легче меня, на скалу и вмѣстѣ со мною достигъ площадки, на которой были поставлены часовые. Съ этого мѣста дѣйствительно былъ прекрасный видъ и если-бы не рѣзкій вѣтеръ, то здѣсь пріятно было-бы остаться и подолѣе. Указавъ мнѣ мѣста, на которыхъ онъ предполагалъ разставить мортирки, мой спутникъ не только съ прежней легкостью спустился со скалы, но еще и мнѣ подсобилъ.

Успокоивъ его обѣщаніемъ походатайствовать у князя о присылкѣ ему мортирокъ, я сдержалъ слово и, въ первый-же день моего возвращенія, за обѣдомъ, передалъ свѣтлѣйшему просьбу Манто. Командиры парашововъ, въ этотъ день обѣдавшіе у князя, услыхавъ о томъ значеніи, какое Манто придаетъ Балаклавской бухтѣ, припались надъ нею трунить, называя ее лужей и подтверждая, что входъ въ бухту для военныхъ судовъ невозможенъ. Я, болѣе или менѣе проникнутый мнѣніемъ Манто, отстаивалъ его, имѣя въ виду скромныя требованія предусмотрительнаго балаклавскаго старожилы... Моряки возстали на меня, перечисляя множество опытовъ, сдѣланныхъ для изученія пролива, т. е. входа въ бухту. Адъютантъ его свѣтлости, баронъ Вилебрандъ, сказалъ мнѣ: „еслибы рѣчь шла о лошади, вамъ и книги въ руки; но, что касается до морскаго дѣла, то предоставьте намъ знать лучше этотъ предметъ“. Я замолчалъ, но князь серьезнѣе отнесся къ моему сообщенію и тутъ-же, за столомъ, распорядился о доставленіи къ Манто мѣдныхъ мортирокъ. Въ послѣдствіи, когда, 14-го сентября, англичане атаковали Балаклаву, эти мортирки ввели въ заблужденіе непріятелей и они не отважились войти въ городъ, пока командиръ батарей, поручикъ Марковъ, не выпустилъ всѣхъ, до единого, снарядовъ. Правъ былъ старикъ Манто: тотчасъ по занятіи Балаклавы, въ бухту ея вошла англійская эскадра, за нею — три большихъ корабля, буксируя за собою еще транспорты. Удобства Балаклавской бухты обнаружилились; англичане, оцѣнивъ ее по достоинству, воспользовались бухтою какъ нельзя лучше и устроили въ ней прекрасный военный портъ.

Въ Балаклавѣ я дождался назначеннаго мнѣ въ проводники, изъ деревни Каранъ, прапорщика Николая Бамбука. Мы переѣхали

Байдарскую долину, южнымъ берегомъ достигли Ялты и татарскими селеніями, чрезъ Бахчисарай, возвратились въ Севастополь.

Въ Бахчисараѣ я остановился въ чистенькомъ домикѣ балаклавскаго комисіонера Василя Подпати. Побродилъ по базару, сдѣлалъ нѣкоторыя покупки и, припомнивъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина, полюбопытствовалъ взглянуть на эту достопримѣчательность. Я спросилъ моего спутника: „гдѣ фонтанъ?“ и получилъ отвѣтъ, что фонтановъ въ Бахчисараѣ много, и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указывалъ мнѣ на водоемы—каменные корыта, въ которыхъ съ сосѣднихъ скалъ струятся рудники. Наконецъ онъ привелъ меня во дворецъ бывшихъ хановъ, въ покояхъ котораго было нѣсколько изысканныхъ фонтановъ и въ ихъ числѣ „фонтанъ слезъ“, мраморный, съ крестомъ на верху, именно воспѣтый Пушкинымъ. Сознаюсь, ничего особеннаго не сказалъ онъ моему воображенію...

Въ послѣдствіи Бахчисарайскій дворецъ пригодился намъ для склада доставленныхъ изъ Россіи полушубковъ: ждали-то мы ихъ къ зимѣ, но поспѣли они къ лѣту. Ихъ свалили въ дворцовыхъ покояхъ, гдѣ они и сгнили, послѣ чего долгое время во дворецъ, вслѣдствіе отвратительнаго смрада, нельзя было и носу показать.

О тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ крымскихъ татаръ я сказалъ-бы — если-бъ только рѣчь не шла о магометанахъ—что жили они, какъ у Христа за пазушкой. Погубилъ ихъ религіозный фанатизмъ, слѣдствіемъ котораго было ихъ переселеніе въ Турцію. Народъ они, большею частью, были весьма достаточный; жили въ чистенькихъ сакляхъ, успѣшно занимались хозяйствомъ и разными сельскими промыслами...

Порученіе, возложенное на меня княземъ, заняло почти шесть дней. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія и немедленно послѣ чего приступилъ къ послѣдовательному изученію Севастополя и его окрестностей. День его обыкновенно былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

До полудня князь занимался въ кабинетѣ; потомъ уѣзжалъ, до обѣда; подъ вечеръ опять садился на лошадь, совершая свои разъѣзды до чаю; вечеромъ опять принимался за работы въ кабинетѣ, просиживая далеко за полночь. У князя былъ особый способъ съемки мѣстностей въ его карманную памятную книжку, съ которымъ онъ очень скоро и легко меня ознакомилъ. Листки записной книжки были разлинованы клѣтками извѣстнаго масштаба; князь, не сходя съ коня, наносилъ на эти листки очеркъ обозрѣваемой мѣстности, для необходимыхъ справокъ въ случаѣ надобности. Онъ никогда не пропускалъ безъ вниманія не только направленіе дорогъ, но и ихъ отклоненіе, стараясь доискаться причины этихъ отклоненій, и часто пересѣкалъ

мѣстность напрямки. Устье и потоки каждой балки скоро стали ему совершенно извѣстны; всѣ проходимыя балки онъ переѣзжалъ по разнымъ направленіямъ, желая узнать на сколько онѣ приспособимы для передвиженія войскъ. Въ балкахъ, берега которыхъ, по своей крутизнѣ, не допускали переходовъ, онъ изучалъ русло. При подобныхъ изслѣдованіяхъ, князь не ограничивался исключительно окрестностями Севастополя; онъ объѣзжалъ берега и долины рѣкъ: Бельбека, Качи, Черной и, наконецъ, Алмы. Когда прибывали войска, въ особенности кавалерія, князь предлагалъ начальникамъ частей дѣлать тѣ-же изысканія, какія дѣлалъ самъ, совѣтуя, при этомъ, совершать объѣзды цѣлыми частями, дабы приучать войска къ пересѣченной мѣстности. Ожидая въ этихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій, свѣтлѣйшій дѣлалъ, по временамъ, маневры, то на южной, то на сѣверной сторонахъ Севастополя.

Разъѣзжая верхомъ, князь не разбиралъ дорогъ и очень часто рисковалъ. Разъ намъ встрѣтился подъемъ по хрищеватой почвѣ, и до того крутой, что лошади затруднялись вскарабкаться. Князь слѣзъ со своего „Подласаго“, намоталъ себѣ его хвостъ на обѣ руки и, приказавъ мнѣ вести своего коня въ заводу, поднялся на крутизну.

До прибытія моего въ Крымъ, его свѣтлости указали на единственнаго офицера, хорошо знакомаго съ окрестностями Севастополя: то былъ инженеръ морской строительной части Старченко... такъ мало прежде интересовались севастопольцы этимъ предметомъ. Этому-то Старченко принадлежит та заслуга, что, при князѣ, онъ первый ударилъ киркой на оборонительной линіи.

Въ описываемое время при князѣ находились: Николай Карловичъ Краббе, Иванъ Григорьевичъ Сколковъ, Викторъ Михайловичъ Веригинъ, баронъ Вилебрандтъ, въ качествѣ ординарца мичманъ Томаловичъ, Александръ Дмитріевичъ Камовскій и Гротъ.

Озабоченный приведеніемъ укрѣпленій въ порядокъ, князь часто сходилъ, толковалъ и занимался съ Корниловымъ; очень цѣнилъ его способности, исполнительность и готовность на все, что только касалось обезпеченія Севастополя и флота; но князя постоянно безпокоило предубѣжденіе, питаемое къ свѣтлѣйшему моряками. Онъ ихъ очень любилъ; былъ къ нимъ не только ласковъ, но, можно даже сказать, предупредителенъ. Изъ одиннадцати мундировъ, право носить которые было ему предоставлено, онъ избралъ и предпочиталъ морской, и посилъ его постоянно, въ знакъ уваженія ко флоту. Желая сблизиться съ моряками, князь приглашалъ ихъ къ обѣду, по кружкамъ сверстниковъ и лицъ одинаковыхъ чиновъ, дабы младшіе не стѣснялись собесѣдничествомъ

старшихъ, а начальники—присутствіемъ подчиненныхъ. При всемъ томъ, стараніи князя были мало успѣшны: моряки постоянно его дичились. Въ этомъ былъ много виноватъ Корниловъ. Человѣкъ развитой, умный, много работавшій съ княземъ, хорошо знавшій его на мѣренія, мысли, предположенія, — отъ него свѣтлѣйшій ничего не скрывалъ, — Корниловъ могъ содѣйствовать его сближенію съ моряками, по, къ сожалѣнію, опъ этого не только не дѣлалъ, а еще колебалъ къ нему довѣренность, какъ моряковъ, такъ и сухопутныхъ войскъ. Свѣтлѣйшій, впрочемъ, никогда не осуждалъ Корнилова, такъ какъ цѣнилъ его хорошія качества, но только досадовалъ на холодность и натынутость отношеній къ себѣ этого полезнаго дѣятеля. Эту досаду я нерѣдко подмѣчалъ въ князѣ.

Съ самаго моего пріѣзда въ Севастополь, свѣтлѣйшій посовѣтовалъ мнѣ сблизиться съ моряками; приказалъ представиться всѣмъ высшимъ морскимъ властямъ и, помню, говаривалъ: „прекрасные, братецъ, есть ребята между моряками. Ты съ ними сойдись... меня они не любятъ,—что дѣлать: не угодилъ!“ Съ цѣлю этого сближенія и ходилъ на берегъ бухты, гдѣ, недалеко отъ Екатерининской пристани, подымали затонувшій турецкій пароходъ „Первазъ-Бахры“. Работы водолазовъ привлекали сюда моряковъ и цѣлый день, смѣняя одни другихъ, они подходили, толковали, дѣлали свои замѣчанія. Здѣсь, встрѣчаясь, съ ними я знакомился; по вечерамъ искалъ случая сойтись гдѣ нибудь съ моряками у нашихъ общихъ знакомыхъ, но они, по большей части, уклонялись отъ сближенія съ адъютантами князя, даже не ходили во флигель, въ которомъ мы помѣщались, и осуждали того изъ своихъ товарищей, кто отступалъ отъ этого предвзятаго правила.

Снабдивъ князя лошадьми, я занялся, по порученію-его свѣтлости, заготовленіемъ вьюковъ, на случай военныхъ дѣйствій вѣ города. Изъ этого можно видѣть какъ заблаговременно онъ думалъ о томъ маневрированіи, за которое въ послѣдствіи севастопольцы, по подстрекательствамъ Корнилова, такъ на него негодовали.

Скудные средства и недостатокъ рукъ на работахъ сокрушали свѣтлѣйшаго: многія работы были затѣяны, а производить ихъ было некому; войска, между тѣмъ, прибывали, но князь не имѣлъ права обращать ихъ на инженерныя работы. Разъ, объѣзжая очертаніе оборонительной линіи, князь остановился, кажется, противъ 5-го баціона возлѣ помѣщенія вновь прибывшаго Волынскаго полка. Люди были на ученьи; поздоровавшись съ ними, князь заговорилъ съ полковникомъ Хрущовымъ. Когда его свѣтлость выразилъ ему затрудненія свои въ недостаткѣ рабочихъ рукъ, Хрущовъ, долго не думая, по-

просилъ его предоставить нѣкоторые изъ работъ Волынскому полку. Лицо князя просіяло отъ радости; но онъ спросилъ при этомъ: не навлечетъ-ли этимъ Хрущовъ на себя неудовольствія своего начальства? Но полковникъ бралъ всю отвѣтственность на себя, прибавивъ, что работа будетъ людямъ полезна, тѣмъ, что разовьетъ въ нихъ силы. На другой же день Хрущовъ поставилъ людей на работу и во все ея продолженіе самъ былъ за инженера.

Такъ отрекомендовалъ себя Александръ Петровичъ Хрущовъ съ первыхъ дней прибытія своего въ Севастополь... Имя его занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ обороны многостраднаго города. Приведенный мною случай можетъ служить вѣсскимъ доказательствомъ тому, какихъ усилій стоила князю подготовка Севастополя къ оборонѣ: свѣтлѣйшему приходилось вымаливать себѣ и средства, и рабочія силы, какъ будто дѣло шло о какихъ-то частныхъ постройкахъ, въ которыхъ никто не заинтересованъ, кромѣ самого строителя! Князь никогда не забывалъ услуги, оказанной волынцами, и этотъ полкъ былъ, изъ пѣхотныхъ, его любимѣйшимъ.

Съ весною усилилось прибытіе войскъ въ Севастополь. Когда гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ вступалъ въ городъ, свѣтлѣйшій выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Командиръ полка Халецкій, узнавъ князя издалека, молодецки подобралъ лошадь, лихо, въ лансадахъ, подскакалъ къ князю. Онъ произвелъ на свѣтлѣйшаго пріятное впечатлѣніе и князь громко поздоровался съ полкомъ. Гусары грянули дружно и съ того времени онъ полюбилъ этотъ полкъ, хотя и неопытный, еще незакаленный, но хорошій полкъ, полный рвенія и готовности. Въ день встрѣчи лейхтенбергцевъ, князь ѣхалъ рядомъ съ полкомъ; Халецкій, рисуясь на борзомъ конѣ, представлялъ его свѣтлости эскадронныхъ командировъ по одиночкѣ. Свѣтлѣйшій былъ видимо доволенъ. Послѣ холодности моряковъ, ему особенно отрадно было видѣть сочувствіе къ себѣ войскъ.

Начальниковъ прибывавшихъ частей войскъ свѣтлѣйшій въ первый же день прибытія приглашалъ къ обѣду, сажалъ возлѣ себя, расспрашивалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними и потомъ дѣлалъ о нихъ почти безошибочное заключеніе. Не утомляя солдатъ смотрами, князь зорко всматривался въ ихъ бытъ, вникалъ въ духъ полка, вѣрно оцѣнивалъ его достоинства. Солдатами онъ вообще былъ доволенъ; командирами—не всегда.

3-го іюня, въ обѣденную пору, когда мы были за столомъ, кто-то внезапно прибѣжалъ сказать, что не вдалекѣ крейсируютъ три непріятельскіе парохода. Князь вскочилъ изъ-за стола и тутъ же, сколько мнѣ помнится, вошелъ Корниловъ и сталъ просить князя разрѣшить

ему выйти съ шестью пароходами атаковать непріятельскихъ крейсеровъ. Всѣ мы отправились на кровлю библіотеки (или „на библіотеку“, какъ говорили севастопольцы), откуда постоянно дѣлались наблюденія надъ моремъ.

Съ библіотеки князь увидалъ, что непріятельскіе пароходы—большихъ размѣровъ, и совѣтовалъ Корнилову не выходить въ море, чтобы не подвергать сравненію нашихъ паровыхъ судовъ съ большими непріятельскими и тѣмъ не обнаружить недостатковъ первыхъ. Корниловъ—человѣкъ пылкій—настоялъ на своемъ. Уважая отвагу адмирала, свѣтлѣйшій далъ ему свое дозволеніе, не раздѣляя однако-же его надеждъ... Корниловъ даетъ сигналъ и спѣшитъ ударить на пароходы; князь остался на библіотекѣ. Пароходы вышли и, въ сравненіи съ непріятельскими, показались намъ еще меньшихъ размѣровъ. Свѣтлѣйшій тревожно слѣдилъ за ходомъ дѣла, угрюмо ворчалъ... но когда пароходы союзниковъ, не принимая боя, увели нашихъ на горизонтъ, а наши, послѣ перестрѣлки, повернули назадъ, свѣтлѣйшій только сказалъ мнѣ:

— „Пойдемъ пить чай“.

Подали чай. Князь сѣлъ на одномъ концѣ балкона, я на другомъ; онъ молчалъ. Этимъ временемъ пароходы вернулись, бросили якорь, и Корниловъ поспѣшилъ въ Екатерининскій дворецъ. Только что князь вышелъ въ залу, чтобы встрѣтить адмирала, какъ тотъ, въ свою очередь, стремительно распахнулъ дверь и, не переступая порога, громко и съ горячностью произнесъ:

— Вы правы, ваша свѣтлость! У насъ нѣтъ пароходовъ... Они насъ не подпустили, да и борты у нихъ настолько выше нашихъ, что спѣшиться невозможно!

Лѣто шло. Оборонительная линія была сомкнута и вооружена; изыскивались средства, чтобы ее еще по возможности усилить; работы продолжались. Тутъ кстати прибылъ къ намъ гость—инженеръ, явился къ свѣтлѣйшему и съ первой же встрѣчи расположилъ его въ свою пользу. Гость этотъ былъ саперный подполковникъ Тотлебенъ.

Въ южной арміи Тотлебенъ состоялъ при генералѣ К. А. Шильдерѣ и, послѣ его смерти, будучи свободенъ и не получая опредѣленныхъ занятій у кн. М. Д. Горчакова, отпросился въ Севастополь „посмотрѣть,— какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ,— вооруженную крѣпость, ожидающую непріятеля. чего никогда еще не видалъ“. Кто знаетъ Тотлебена, кому извѣстна его любознательность, тотъ не усомнится, конечно, что намѣренія этого инженера не имѣли иной цѣли, кромѣ той, которую онъ мнѣ высказалъ. Зная военныя способ-

ности князя Александра Сергѣевича, Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что прїѣхалъ у него поучиться и высказывалъ это чистосердечно.

Тотлебенъ прибылъ въ Севастополь 10-го августа и просилъ у его свѣтлости позволенія осмотрѣть укрѣпленія во всѣхъ подробностяхъ; любовью своею къ наукѣ онъ заинтересовалъ князя, который выразилъ ему свое расположеніе еще и за то, что Тотлебенъ былъ преданнымъ и любимымъ сподвижникомъ покойнаго Шильдера, котораго свѣтлѣйшій зналъ за способнѣйшаго инженера и глубоко уважалъ. Здѣсь замѣчу, что князю очень хорошо было знакомо инженерное дѣло; онъ любилъ его, интересовался имъ всегда, былъ въ курсѣ производства инженерныхъ работъ во всемъ свѣтѣ и обладалъ въ своей библіотекѣ рѣдкимъ собраніемъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ книгъ по части инженернаго искусства.

По уходѣ Тотлебена, чтò было уже въ сумерки, князь послалъ за мной.

— „Сюда прїѣхалъ изъ южной арміи, — сказалъ мнѣ князь, — саперный офицеръ и очень мнѣ понравился. Онъ тамъ состоялъ при Шильдерѣ и, кажется, былъ его любимецъ, что само по себѣ уже выгодно его рекомендуетъ. Кромѣ того, онъ по фамиліи Тотлебенъ, а я знаю, что былъ на Кавказѣ генералъ Тотлебенъ—очень практичный и способный человѣкъ: онъ тамъ провелъ войска по такому пути, котораго теперь и отыскать не могутъ ¹⁾. Объ этой заслугѣ своего предка прїѣзжій Тотлебенъ и не зналъ, но ему очень лестно, что они родственники. Ты сходи къ Тотлебену; онъ остановился въ нумерахъ гостиницы; познакомься, онъ тебѣ понравится. Предложи ему мою лошадь и завтра же поѣзжай съ нимъ; покажи все по порядку“.

Я исполнилъ приказаніе князя: познакомился съ Тотлебеномъ и на слѣдующій день мы начали объѣзды по оборонительной линіи, отъ 6-го бастиона. На первый случай ѣздили до обѣда, но осмотрѣли немного, потому что Тотлебенъ, не торопясь, вникалъ во всѣ подробности произведенныхъ работъ. Посвященный во все, что было у насъ по этой части сдѣлано, и будучи хорошо знакомъ съ мѣстностью, противулежащею нашей оборонительной линіи, я объяснял моему спутнику все то, что зналъ. Вниманіе, съ которымъ Тотлебенъ меня выслушивалъ, обстоятельныя его распросы, уваженіе и довѣренность, выражаемыя имъ къ познаніямъ князя Меншикова въ инженерномъ искусствѣ, все это расположило меня въ его пользу. Возвратившись съ

¹⁾ При этомъ князь подробно разсказалъ мнѣ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, подъ предводительствомъ Тотлебена, на Кавказѣ, но разсказъ этотъ, къ сожалѣнію, совершенно изгладился изъ моей памяти.

перваго объѣзда, и поспѣшилъ передать князю о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Тотлебеномъ, прибавивъ къ тому, что нашъ гость непохожъ на тѣхъ инженеровъ, которые были тогда въ Севастополѣ: онъ, въ случаѣ надобности, не станетъ ожидать разрѣшеній отъ строительнаго департамента на производство тѣхъ или другихъ экстренныхъ работъ въ военное время, а съумѣетъ найти сподручныя къ нимъ средства. Это послѣднее обстоятельство особенно порадовало князя.

Поручивъ мнѣ продолжать знакомство Тотлебена съ интересующимъ его предметомъ, князь уволилъ меня отъ сопутствія его самого въ ежедневныхъ поѣздкахъ. Такъ, въ теченіе цѣлой недѣли, мы съ Тотлебенемъ объѣзжали оборонительную линію. Онъ не разъ бывалъ приглашаемъ свѣтлѣйшимъ къ обѣду, во время котораго и самъ гость успѣвалъ все болѣе и болѣе снискивать расположеніе князя. Наконецъ свѣтлѣйшій, убѣдясь, что Тотлебенъ достаточно посвященъ въ предметъ, самъ повторилъ съ нимъ осмотръ всей оборонительной линіи съ моря и съ сухаго пути и, сообразивъ, что Тотлебенъ будетъ ему весьма полезенъ, предложилъ ему остаться при себѣ, выразивъ надежду, что князь Горчаковъ препятствовать этому желанію не будетъ. Тотлебенъ изъявилъ со своей стороны полнѣйшую готовность состоять при свѣтлѣйшемъ, при чемъ шепнулъ мнѣ, что главнокомандующій южною арміею не жаловалъ Шильдера, а по немъ и имъ, Тотлебенемъ, не подорожить. Такъ и вышло: лишь только князь написалъ объ этомъ предметѣ Горчакову, какъ тотъ выразилъ совершенное свое согласіе.

Посвятивъ новаго нашего инженера во всѣ подробности произведенныхъ работъ, свѣтлѣйшій поспѣшилъ дополнять и усиливать ихъ, пользуясь содѣйствіемъ и услугами Тотлебена. Наконецъ, придумано было, на Зеленой горѣ, внѣ севастопольскихъ укрѣпленій, устроить редутъ, для тресировки котораго, 31-го августа, князь съ Тотлебенемъ вѣхалъ на эту гору и при себѣ приказали его разбить. На слѣдующій день послѣ разстановки рабочихъ, предполагено было начать осмотръ мѣстности, лежащей впереди оборонительной линіи. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ показать Тотлебену окрестностей Севастополя, такъ какъ 1-го сентября получено было извѣстіе о появленіи непріятельскаго флота съ десантомъ.

Изучая устройство оборонительной линіи, Тотлебенъ ознакомился и со всѣми затрудненіями, которыя встрѣчалъ свѣтлѣйшій; при этомъ онъ не одинъ разъ выражалъ свое удивленіе тому, что князь еще успѣлъ такъ много сдѣлать. Линія была сомкнута и сильно вооружена; всѣ болѣе доступныя мѣста были означены возведеніемъ уси-

ленныхъ батарей; самое-же главное — линия была обдумана и очерчена такъ, что въ послѣдствіи оставалось только возвести на ней то, чего не успѣлъ возвести свѣтлѣйшій. Сочувствуя князю, Тотлебенъ указывалъ ему на подручныя средства, которыми въ минуту крайности можно будетъ произвольно воспользоваться, и вполнѣ сознавалъ, что княземъ было сдѣлано все то, что только можно было придумать для предупрежденія внезапнаго нападенія непріятеля на Севастополь. Со своей стороны, Тотлебенъ предполагалъ начать съ того, чтобы осыпать землю каменные завалы.

Конечно, укрѣпленія, найденныя Тотлебенемъ при его приѣздѣ, не могли идти въ сравненіе съ тѣми, которыя возникли въ послѣдствіи, во время долговременной обороны; но, во всякомъ случаѣ, они были закончены въ такой мѣрѣ, что непріятель устранился ихъ—и, при всѣхъ своихъ громадныхъ средствахъ, не рѣшился атаковать Севастополь открытою силою, а приступилъ къ осаднымъ работамъ. Спрашивается: чья тутъ заслуга, если не князя Александра Сергѣевича?

Многія замѣчательныя, официальные сочиненія обвиняютъ его, будто бы онъ не ожидалъ важныхъ дѣйствій союзниковъ противу Севастополя и вообще Крыма... Прошу прислушать:

21-го января 1854 г., въ секретномъ своемъ донесеніи (за № 233) Императору, князь выражаетъ опасенія, что непріятель предприметъ атаку на Севастополь съ моря и суши въ значительныхъ силахъ для овладѣнія городомъ и для истребленія флота.—27-го числа того-же мѣсяца, въ другомъ секретномъ донесеніи (№ 237) Государю-же, онъ выражаетъ предположеніе о покушеніи непріятеля въ значительныхъ размѣрахъ—на Крымъ. Въ донесеніи того-же дня (№ 241), предостерегаетъ о могущемъ быть, по вышесказанному поводу, возмущеніи крымскихъ татаръ. Фѣвраля 16-го (№ 259), сообщаетъ его величеству о соображеніяхъ, дѣлаемыхъ татарами на случай высадки турокъ въ Крыму. Марта 25-го (№ 288), повергаетъ на благоусмотрѣніе Императора мысль объ огражденіи сѣвернаго берега бухты оборонительной стѣною. Марта 31-го (№ 296), испрашиваетъ дозволеніе объ употребленіи войскъ для обереженія отъ нечаяннаго нападенія и для наблюденій за окрестностями Севастополя. Въ донесеніи отъ 9-го апрѣля (№ 299), подтверждаетъ свои опасенія на счетъ предпріятія союзниковъ на Крымъ.

Въ перепискѣ съ военнымъ министромъ, въ мартѣ (№№ 297, 344 и 362), свѣтлѣйшій прилагаетъ попеченіе—за неимѣніемъ войскъ—обратить на дѣйствительную службу льготныхъ ногайцевъ Крымскаго полуострова; вооружить государственныхъ крестьянъ русскаго народо-